

200 моих картин конфискованы в Уфимском художественном музее. <...> Сообщаю тебе, что 4 воза (остатки) моего имущества находятся в кладовых Строгановского художественного училища в Москве. Там же «Ангел мира». По просьбе Бурлюка Каменский пытался выяснить ситуацию с картинами и неоднократно бывал в Доме печати. В декабре 1929 года он писал в Нью-Йорк: «Был в Доме печати семь раз и лишь на восьмой выяснил, что там 4 года хранили твои картины — их там, по словам коменданта, около 300. И он же сказал, что за 4 года хранения надо будет заплатить порядочную сумму. <...> Заведующий сообщил сегодня, что в общем числе кажется и рисунки, и мелкие картины. А вот разрешат ли отсюда отправить к тебе часть картин — вопрос сложный. И во всяком случае его следует решить после выяснения суммы за хранение или даже после получения картин на руки».

После рассмотрения вопроса о возврате картин руководство Дома печати согласилось взять оплату за хранение не деньгами, а частью картин — «до 10-ти», как писал Каменский. Однако Каменскому, который бывал в Москве наездами, попросту негде было хранить их, а в Америку отправить картины не разрешали. Поэтому он посоветовал Бурлюку оставить всё, как есть. Так и произошло. В мае 1931 года Бурлюк писал Эриху Голлербаху: «Говорят, что в Доме писателей в Москве имеется комната или угол в подвале, где сложены мои рукописи, письма, картины и книги. Сведения об этом имел из различных источников. Но более подробно ничего касательно раздобыть не могу за дальностью расстояния и легкомыслием московских приятелей».

Позже, в 1965 году, во время второго — и последнего — приезда в СССР Бурлюк попытается вернуть себе работы, хранившиеся в музейных запасниках. Эта попытка тоже будет неудачной.

Пока же, в Башкирии, он продолжает много писать — в основном пейзажи и портреты местных жителей. Работает не только в Буздяке, но и в соседних сёлах — Байраше и Каране. Вместе с ним работает юный художник Евгений Спасский, который приехал вместе с Бурлюком из Москвы. Давид Давидович, умевший заразить своей любовью к футуризму даже скептиков, сыграл в судьбе Евгения Спасского (как и в судьбе его брата Сергея) важную роль. Именно на выставке Бурлюка в Самаре Спасский впервые представил свои работы. И именно по протекции Бурлюка, приехав в 1917 году в Москву, он поступил в художе-

ственную студию Леблана, Бакланова и Северова. Когда у Бурлюка созрел план летней работы в Башкирии с последующей осенней поездкой по Восточной России (названной позднее «Большим сибирским турне»), он пригласил с собой Спасского. А началось всё с мимолётного знакомства в Тбилиси во время турне кубофутуристов...

Евгений Спасский оставил замечательные воспоминания о том времени, в которых дал точные характеристики Бурлюку и футуристам в целом:

«...Первое знакомство и первая встреча с будетлянами произошла у меня весной 1914 года в Тифлисе. Я был в то время ещё гимназистом и учеником школы живописи, ваяния и зодчества, полным задора и исканий. Как губка, впитывал в себя всё, что встречалось на пути. И вдруг, как бомба, влетевшая в окно, так появление на центральной улице троих, тогда ещё молодых, ярко и оригинально одетых, медленно прогуливающих по городу, — Давида Бурлюка, Василия Каменского и Владимира Маяковского, — поразило юношеское воображение. Это те, которые несли свежую струю, радость, смелость и бунтарство в искусстве и в жизни. С их пребыванием у меня появились новые, необычайные книги и брошюры, ярко иллюстрированные Бурлюками Владимиром и Давидом: новые слова и новые мысли. Это было первое знакомство, сильно повлиявшее на последующую жизнь».

Регулярно бывавший в «Кафе поэтов» Спасский вспоминал и о том, как Бурлюк предложил ему совместные гастроли. Это будет длинная цитата, но я не могу отказать себе в удовольствии привести эти замечательные строки:

«...В кафе нас встретил шум, крик и оживление. И, конечно, Давид Бурлюк посылал свои остроты в воздух. С ним я, как с художником, собратом по профессии, подружился больше всего: и здесь же в кафе к весне у нас созрел план летней совместной работы и осенней поездки в турне по восточной России с выставкой картин, докладами о новом искусстве и поэзоконцертами.

Давид Давыдович, или, как он впоследствии просил называть его, Додя, пригласил меня к себе на всё лето в татарскую глухую деревню Буздяк, близ Бугульмы, где жила постоянно его семья: жена Мария Никифоровна и два сына четырёх и пяти лет Додик и Никиша. Летом там же жила его сестра Марианна — певица, ученица Московской консерватории и сестра жены Елена (на самом деле Лидия. — Е. Д.). Знаком я был и дружил с мамашей Давида Бурлюка.

Маленького роста, очень живая, подвижная и жизнерадостная женщина — тоже художница. С ней я встречался на выставках в Москве, в Самаре, где были среди холстов Доды и её работы — пейзажи маслом, в основном виды Урала. Горы написаны были очень сочно, причём во время работы она любила добавлять в краски золотой порошок, что давало блеск и ощущение тяжести минерала. Она часто сопровождала Додю в поездках, а на выставке заменяла кассира. Я был ещё учеником седьмого класса гимназии, когда сам принимал участие на выставках картин с Додей.

Итак, я с Бурлюком приехал к нему на всё лето писать пейзажи; после почти трёхдневного путешествия, около двух часов дня, мы, наконец, приехали в Буздяк, усталые, так как всю последнюю ночь не пришлось сомкнуть глаз. <...> Буздяк — это большое село с высившейся в центре мечетью и большой базарной площадью. Очень пыльное летом, и непроходимое осенью от невероятной грязи, вязкой и скользкой.

Додя снимал отдельный, большой, деревянный дом крестьянского типа. Дом был добротный, с застеклённой галереей и крыльцом во двор. На улицу же выходило два небольших окна большой комнаты-кухни, где стоял наш обеденный стол. Громадная русская печка, в которой пекла хлеб на всю семью Марианна, атлетического телосложения, страшной силы, как почти все из рода Бурлюков. <...> Помогала ей в хозяйстве худенькая Елена, которая впоследствии вышла замуж за художника Пальмова. В этой же комнате под окном стоял сундук, на котором я и спал. <...> В шесть часов утра Додя всех поднимал на ноги громким пением: “Чом, чом не пришов, як я говорила, цилу ночку свичка прогорила” и т. д. Все вставали, пили чай, и мы уходили на этюды. Весь день, пока было светло, с увлечением работали, а вечером за вечерним чаем читали стихи или новые, полученные из Москвы книги.

Додя сам спал с семьёй в большой светлой комнате, окна которой выходили во двор. Там, кроме изрядного количества кроватей, стояло пианино, на котором в свободное время играла и пела Марианна. Довольно большую площадь в этой комнате занимала печь с лежанкой, стены которой время от времени выбеливались, так как на них разрешалось ребятам рисовать углём. Поэтому печь постоянно покрывалась деревьями, домами, людьми и разными животными ледникового периода. У Доды же в сенях был завал подрамников и холстов и, кроме того, стоял книжный

шкаф, специально отведённый для красок. Я помню, как он перед отъездом в доме школы живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой улице, вместе со мной закупал краски ящиками. Он больше писал мастихином, накладывая толстые, друг на друга, слои красок. В красках он был нена сытным, и после каждого этюда на месте работы оставались десятки пустых тюбиков, но он их не бросал, а собирал и переплавлял в печке — для продажи. Их охотно покупали у него местные жители для лужения медной посуды. Писал он, кроме пейзажей, и портреты и ещё осуществил свою мечту в то лето, написал большую картину “Куликовская битва”. Когда он её всю прописал, добавляя в краски мёд, повесил на кухне около печки, где было невероятное количество мух. Сравнительно скоро мухи покрыли весь холст, наподобие липкой бумаги, и Додя ходил счастливый около этого холста и говорил: “Вот это будет фактурка”. А затем, взяв кисть, прописал всё прямо по высохшим мухам. Фактура действительно получилась оригинальная. Так за это лето была подготовлена выставка. И все картины, и необходимый материал, упаковав в ящики, мы тронулись в путь. Но мне надо было по дороге заехать домой, чтобы взять костюм и всё необходимое для концертов. Так что я, уехав один, догнал Додю в Омске, где мы пробыли недели две, дав несколько поэзоконцертов в помещении Политехнического института, в котором была открыта и выставка картин».

Тем временем политика продолжала активно вторгаться в жизнь. 5 июля Уфа была захвачена чехами, а в декабре перешла в руки колчаковцев. «В Башкирии летом остался за чешским фронтом», — вспоминал Бурлюк. Решение было очевидным — уезжать подальше от боёв, от голода, туда, где можно было заработать своим искусством и выступлениями. На восток — и не только российский. О том, что Бурлюк собирался в Японию ещё в декабре 1917-го, вспоминал Василий Каменский. Новые земли, которые можно было покорить, манили «отца российского футуризма». И подальше, подальше от разрухи и голода столиц. Собственно, решение о сибирском турне было принято раньше, и начавшаяся война подтвердила правильность намерений обладавшего безошибочной интуицией Бурлюка.

Путь лежал через Урал и Сибирь на Дальний Восток. Давид Давидович взял с собой лишь десять картин, «бросив свой трёхлетний труд в 150 картин на станции Буздяк... и в городе Уфе (100)». «От пушечной стрельбы мне нужно

было спасать своих малых детей в 1918 г.» — вспоминал он. Вместе с ним в турне участвовали сестра Марианна, сестра Маруси Лида, которая тоже была художницей (в 1917 году она окончила бывшее Строгановское училище и получила звание «учёного рисовальщика» — так указано в выданном ей удостоверении), и Евгений Спасский. Семью Бурлюк перевёз в Челябинск уже в декабре.

Он был далеко не единственным «левым», уехавшим в то время в провинцию. Вообще основная тенденция авангардистского движения в 1917—1922 годах — это экспансия во все стороны света. В первой половине 1917-го масштабные гастроли устроил Василий Каменский, причём почти на каждом выступлении он читал стихи Бурлюка. Владимир Гольцшмидт в 1919-м предпринял турне по Уралу, Сибири и добрался до Владивостока, выступал в Харбине и на Камчатке и оттуда перебрался в Японию. Из Японии он собирался ехать в Америку, дублируя путь Бурлюка, но в Америку его не пустили, и в начале 1920-х через Китай, Индию и Данию он вернулся домой. В начале 1918 года во Владивосток приехал из Мариуполя Николай Асеев, в 1919-м — Сергей Третьяков. Так что путь был проторён. Но и тут Бурлюк действовал по-особенному — его гастроли были самыми масштабными не только по охвату, но и по вовлечению в них других художников и поэтов. В умении объединять совершенно разных людей и увлекать их своими идеями Бурлюку не было равных.

«Доля была чрезвычайно деловой и практичный человек. Он, будучи ещё в Москве, подготовил всё для поездки: отпечатал афиши и для выставок, и для концертов, в которые на пустом, оставленном для этого месте, надо было вписывать только число и адрес. Отпечатал программки выставки и, наконец, книжечки “Лысеющий хвост”, с коротким манифестом футуристов и стихами. Причём первая страничка была оставлена чистой, на которой тут же на выставке он просил меня и сам делал беглые рисунки тушью или акварелью, и эти книжечки продавались по двойной цене. За месяц до отъезда, так же в татарской деревне, было куплено полотно с красивой и яркой орнаментальной вышивкой на концах. Из этих ковровых концов Марианна сшила нам два пёстрых жилета, которые мы в день концерта надевали. Марианна должна была петь нараспев стихи под именем “Пуантелины Норвежской”, выступая в тонкой кисейной шали. Бурлюк отличался невероятной энергией. Через час после приезда в город он находил помещение для выставки

и концертов. В тот же день давал в местную газету статью о футуризме. Вечером мы развешивали картины, и в 10 часов утра был вернисаж. Причём мы с утра и до 12 часов дня, надев свои пёстрые жилеты, гуляли по городу, привлекая тем самым большую толпу народа. Около часа дня мы возвращались на выставку с шумной толпой», — вспоминал Евгений Спасский.

Николай Иванович Харджиев писал о турне так: «“Большое сибирское турне” Давида Бурлюка, продолжавшееся в течение почти года, до сих пор остаётся белым пятном в его литературной биографии. Между тем это была “вторая молодость” неумоимо деятельного организатора и идеолога группы кубофутуристов... Несмотря на затруднительные обстоятельства и “бумажный голод”, ему удаётся издать в Томске (апрель 1919 г.) вторую “Газету футуристов” со стихами Маяковского; первую “Газету футуристов” Д. Бурлюк издал в Москве в марте 1918 г.». Автор совершенно прав относительно «второй молодости». Однако белого пятна, к счастью, уже не существует — о сибирских гастролях «отца российского футуризма» теперь известно почти всё.

Итак, гастроли начались 9 ноября 1918 года в Златоусте. Вечер состоял из двух отделений: лекции и поэзоконцерта. Лекция, разумеется, была о футуризме как об искусстве настоящего и будущего. Во время поэзоконцерта Давид Бурлюк и Марианна, выступавшая под псевдонимом Пуантелина Норвежская (иногда — Паунтилина, или Паулинтина; почему именно Норвежская — загадка), читали стихи Маяковского, Каменского, Игоря Северянина и самого Бурлюка (свои стихи он тогда любил называть стихетами). Одновременно демонстрировались картины Бурлюка. По сходной программе строились и другие вечера, менялись только названия: «Реализм и футуризм в искусстве» (Златоуст), «Футуризм — единственное искусство современности» (Уфа), «Грандиозарь» (Курган), «Экстраординарная лекция-вечер Грандиозарь» (Омск). Тем не менее каждое выступление было оригинальным и неповторимым — Бурлюк отлично чувствовал публику и всегда импровизировал. Время было напряжённое, нужно было учитывать реалии Гражданской войны и быть осторожным в высказываниях. Однако главная идея всегда была одна — искренняя пропаганда футуризма.

После Златоуста выступления состоялись в Сатке и Миассе. Во всех этих городах с Бурлюками выступал художник Пётр Старонос. 7 декабря Давид Давидович был

уже в Уфе, где прочёл лекцию «Футуризм — единственное искусство современности», а 8 декабря открыл выставку картин. Не могу не привести некоторые тезисы программы лекции: «Искусство (таинство) — религия = слагаемое двух сил... <...> творящего и воспринимающего. Искусство венец жизни. Оправдание жизни. <...> Познание жизни и себя невозможно без проникновения руководящей идеей искусства, созданного ею. <...> Необходимо быть хозяином жизни, а не её работником — сущность заклятья — назвать (осознать, выявить) предмет — значит повелевать им». Не удивительно, что после каждой лекции число страстных поклонников футуризма и самого Бурлюка росло стремительно — такая пассионарность вкупе с мистикой не могла не привлечь ищущих и творческих личностей.

Пятое выступление состоялось 21 декабря в Екатеринбурге. В лекции «Футуризм — единственное искусство современности» Бурлюк выступил вместе с «главарём сибирских футуристов» Давидом Виленским.

Местная пресса отмечала: «Заметно, что сюда пришли развлечься, посмотреть, как будут представлять, и ждали трюков. Весельем оживлялись лица тех, для кого ещё были новостью футуристические “образы” в роде “беременного мужчины” и “облаков в штанах”. <...> И господин Бурлюк учитывает настроение публики и поддерживает его то замечаниями по адресу “почтивших” его лекцию дам, то репликами вслед уходящим из зала “дезертирам поэзии”. Стихи, избранные господином Бурлюком, “занимают” и веселят публику. Он имитирует Маяковского, Северянина, читает футуристическими волнами, начиная басом и переходя на высокие ноты. Стихи Северянина поёт как куплеты». Особенностью екатеринбургского вечера стал конкурс местных поэтов на звание «орла» уральской поэзии. Бурлюк выступал в роли конферансье.

Одновременно в Екатеринбургской художественно-промышленной школе демонстрировались картины Бурлюка; о них рассказал в своих воспоминаниях художник Николай Сазонов: «В зале висело до 20-ти произведений непонятного содержания. Какой-то хаос различных предметов, наклеенных на холсте; например, кусок сломанной лестницы, голова собаки, кусок газеты, гриф от скрипки, расщеплённый по слоям дерева, чёрные треугольники, оранжевые кружки и т. п. — в общем, какой-то винегрет. Что хотел художник сказать этим холстом — трудно угадать». Данные произведения должны были иллюстрировать

положения, высказанные Бурлюком на лекции, но Сазонов на ней не присутствовал. Тем не менее даже краткий визит Бурлюка оказал сильнейшее влияние на екатеринбургских художников — три года спустя, в октябре 1921-го, Екатеринбургская артель художников организовала бал-маскарад под названием «Грандиозарь-кискезари», обыгрывавший и пародировавший выступления Бурлюка, причём одним из организаторов действия был как раз Сазонов.

После Екатеринбурга Бурлюк сделал в своих выступлениях месячный перерыв, пополнив свою передвижную выставку работами уральских художников и пригласив новых лекторов. 19 января 1919-го на повторном поэзовечере в Златоусте вместе с ним с докладами выступили художник Я. С. Бородин, Д. Ф. Самарин, артистка Е. И. Алексеева. Интересен был диспут, состоявшийся после стихотворного отделения. Писатель Борис Четвериков выступил с критикой футуризма. Бурлюк прищурил единственный глаз, внимательно прослушал критика, воскликнул: «Четвериков проехался по Бурлюку на четвёрке своего остроумия... Выкрутил руки футуристу Кручёных... Не оставил камня на камне от Василия Каменского» — и пригласил Четверикова поехать с ним на гастроли. Разумеется, тот согласился.

Одновременно с поэзовечером в помещении Народного университета состоялась «Выставка картин, акварелей, рисунков» с уже гораздо большим составом участников. Помимо самого Бурлюка на ней экспонировались работы Д. Архангельского, Я. Бородина, П. Добрынина, Д. Мошевитина, П. Староносова и Лидии Еленевской.

Книга «Лысеющий хвост» шла настолько хорошо, что Бурлюк переиздал её во время турне дважды — в Златоусте и Кургане. Гастроли вообще оказались финансово успешными.

На вечере в Троицке 9 февраля 1919 года с Давидом Бурлюком выступили поэтесса Л. Мурашева и Борис Четвериков. На однодневной выставке в помещении мужской гимназии было показано уже более ста работ. Следующими городами турне стали Челябинск и Курган. Давид Бурлюк вспоминал: «Во всех этих городах, несмотря на близость фронта Гражданской войны, я встречал живой интерес к искусству, и мои лекции пользовались успехом». Даже скептически настроенные критики писали о том, что Бурлюк, «несомненно, талантливый человек и прекрасный лектор», — и подчёркивали, что «футуризм в искусстве —

это то же, что большевизм в политике». Как бы там ни было, симпатик большевизма отлично чувствовал себя именно на территории, контролируемой «белыми», — он заберёт семью из Челябинска накануне прихода туда Красной армии. А 25 января Бурлюк преспокойно получил от главного начальника Самаро-Уфимского края генерал-майора Евгения Вишневецкого удостоверение, которое гласило: «Предъявитель сего свободный художник Давид Давидович Бурлюк отправляется в города Сибири с целью устройства культурно-просветительных лекций и выставок картин. Удостоверение это выдано Бурлюку на предмет беспрепятственного передвижения и получения железнодорожного билета». И всё это несмотря на то, что в ходе турне он «проповедовал Владимира Маяковского» и вообще не раз демонстрировал свои левацкие взгляды.

Следующей важной точкой на карте турне стал Омск. Там прошли целых четыре вечера: лекция-вечер «Грандиозарь» «Футуризм — единственное искусство современности» (1 марта) в Политехническом институте с участием Давида Бурлюка, Бориса Четверикова, Евгения Спасского и других; поэзо-лекция Бурлюка в кружке студентов инженеров-строителей (2 марта); «Экстраординарная лекция-вечер Грандиозарь» (4 марта) и «Последняя блестящая лекция-футур» с диспутом (6 марта). Два последних вечера прошли в том же Политехническом институте. Кроме того, с 28 февраля в течение нескольких дней в том же институте проходила выставка около ста картин и графики (работы самого Бурлюка, Антона Сорокина, Николая Кульбина, акварели Тихомирова, картоны Евгения Спасского и др.).

Евгений Спасский, присоединившийся к Бурлюку в Омске, так вспоминал о выставках и поэзоконцертах: «Вход на выставку всегда был бесплатный, но начиналась бойкая продажа программки и книг. Поднимался страшный шум от недоумения перед футуро-картинами, и обычно нас просили и с интересом, а часто и с возмущением дать пояснение картинам. Тогда Додя обращался ко мне и просил сказать несколько слов о новом течении в искусстве и объяснить непонятное в картинах. Но как только я кончал говорить, он тотчас появлялся рядом со мной со шляпой в руке и, обходя всех, говорил: “Всякий труд должен быть оплачиваем”, — и шутя собирал порядочную сумму.

Концерты и выставки проходили очень шумно. К вечернему концерту я на щеке Бурлюку рисовал рыбу, а он

мне собаку, и, вставив в петлицы деревянные ложки, мы шли на концерт.

После короткого и сочного доклада Доди, а говорить он умел и образно, и остроумно, мы читали нараспев стихи: он — свои, В. Каменского (из “Стеньки Разина”), Маяковского, а я начинал с Северянина, потом — Маяковского “Наш марш”, из поэмы “Человек” и “Облако в штанах”, Хлебникова “Крылышка золотописьмом...” и т. д. Слушали все очень внимательно, но реагировали всегда так шумно, что, казалось, зрительный зал начинал колебаться и вот-вот развалится от крика, аплодисментов и свиста. Публика чётко делилась на два лагеря — принимающих и возмущённых. Нас почти выносили на руках из зала на улицу. Кругом появлялось много друзей, много сочувствующих новому искусству и новому в жизни.

По складу своей души Додя был человек практичный с коммерческой жилкой. Он из всего старался извлечь пользу. На выставках, кроме программки и книг, продавались и картины, но картины Бурлюка шли не очень хорошо, несмотря на то, что он старался их делать на разные вкусы. Единственно, что ему удавалось продавать чуть ли не в каждом городе, это “Портрет моего дяди”. Он делал его быстро в гостинице, клеивая куски газеты в разорванное углами лицо, имеющее три глаза, два носа и так далее. Сам я относился к исканиям новых форм очень серьёзно, и подобное легкомысленное отношение Доди меня немного шокировало и расхолаживало. Додя был превосходный администратор и опытный оратор с большим юмором. С ним всегда было легко и просто. Человек удивительной душевной мягкости и большого вселюбящего сердца. Я никогда не видел его сердитым или раздражённым. Он всё умел перевести на юмор, на улыбку. Это ему очень помогало и в общественной, и в семейной жизни. А в связи с этим его душевным качеством и философия жизненная была чрезвычайно своеобразная.

Публика валом валила на выступления. Одни воспринимали всё происходящее серьёзно, другие как «полудирковое представление». Критики писали о том, что Бурлюк «прекрасный оратор и умеет владеть аудиторией», что он, «без сомнения, образован и талантлив», человек «бесспорно способный и умный», что он «чрезвычайно находчив и остроумен», «великолепный имитатор Северянина и Маяковского», но сам «очень слабый поэт». Ну что ж, с этим трудно поспорить. Важно другое: в каждом городе появлялись те, кого Бурлюк «заражал» любовью к искусству.

В Омске к выступлениям присоединился писатель Антон Сорокин, которого пресса иронично называла «гордостью Сибири» и «национальным Гением». Бурлюк действительно выдал Сорокину «удостоверение в гениальности», и позже Сорокин уже выдавал подобное своим ученикам. На одном из вечеров он даже прочёл манифест, в котором объявил себя королём и государем писателей и приказал всем местным газетам «завести автомобили и возить на них мозг сибирской нации, знаменитого писателя Антона Сорокина». Бурлюк подружился с Сорокиным. Он считал его «природным футуристом». Извещение, которое от лица Всероссийской федерации футуристов Бурлюк выдал «Национальному Великому писателю Антону Сорокину», гласило: «Я, Давид Бурлюк, отец российского футуризма, властью, данной мне вождями нового искусства, присоединяю Вас, Антон Сорокин, в ВФФ. Приказываем отныне именоваться в титулах своих Великим художником, а не только писателем, и извещаем, что отныне Ваше имя вписано и будет упоминаться в обращениях наших к народу в следующем порядке: Давид Бурлюк, Василий Каменский, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Игорь Северянин и Антон Сорокин».

Конечно, «Всероссийская федерация футуристов» существовала только в воображении Бурлюка, но до чего же красиво!

Давид Бурлюк провёл в Омске весь март и начало апреля, написав множество картин — в открытой Сорокиным картинной галерее среди 800 работ было 67 картин и рисунков Бурлюка. Давид Давидович жил тогда в доме Александры Максимовны Эзет, тётки его уфимского приятеля Владимира Ишерского. Вся семья Ишерских проживала в это время в Омске. Дочь Ишерского, Елизавета, вспоминала: «Бурлюк был крупным, шумным, напудрил перед уходом на свой вечер лицо и нарисовал на нём цветок. Затем вставил в петлицу фрака деревянную ложку и ушёл». «Жена Бурлюка оставила о себе впечатление очень доброй, мягкой, внешне простой (хотя и очень интеллигентной) русской женщины».

В Омске Бурлюк написал прекрасное стихотворение «Омское»:

Где скукотундру режет властно  
Сырое тело Иртыша;  
Где юговетр свой лет напрасный  
Подъемлет слабо и спеша,

Где памятно о Достоевском:  
Согбенно-каторжным трудом,  
Отторгнут набережной Невской.  
Он не измыслил «Мёртвый Дом»,  
Где ране было Оми устье,  
Теперь событий новых шок  
Крушит Сибири захолустье.  
Здесь взрост первичный виден слабо,  
Ночной вместившийся горшок!  
Российской власти баобаба!

Из Омска через Новониколаевск Бурлюк приехал в Томск. На устроенной им с 19 по 27 апреля в помещении женской гимназии Тихонравовой выставке демонстрировалось уже 250 работ пятнадцати художников. При этом работы были сгруппированы по разделам, в том числе: супрематический, футуристический и кубистический. Кэтрин Дрейер писала, что среди работ имелись и работы Малевича. Этого, конечно, быть никак не могло — если Бурлюк даже свои собственные работы оставил в Башкирии, откуда же по пути из Омска в Томск появился Малевич? Почти наверняка предприимчивый Давид Давидович нарисовал их сам. Он ведь вспоминал, что «в промежутках между лекциями я работал кистью и моя выставка увеличивалась». Этот «Малевич» приедет потом и в Японию.

По поводу возможного написания Бурлюком работ за других художников есть интересное свидетельство дочери соратника Давида Давидовича по «Бубновому валету», художника Петра Кончаловского. Жившая в Америке с первым мужем Наталья Кончаловская, крестница скульптора Конёнкова, вспоминала его рассказ о проделках Бурлюка: «Он, оказывается, был в Японии до Америки. Устраивал там свою выставку. Но она не пользовалась большим успехом, и он выручил мало. В разговоре с японцами они его спросили, не может ли он устроить выставку хороших художников, таких как Коровин, Архипов, Малявин и другие. Бурлюк подумал и сказал, что, конечно, можно, и как раз на днях сюда прибудут вещи этих художников, которые он собирал ещё в Москве. Сам пошёл домой и в три дня накатав всех художников и сам за всех подписался. <...> Затем устроил выставку, собрал кучу денег и уехал в Америку».

Всё это, конечно, огромное преувеличение, но дыма без огня, как известно, не бывает. Справедливости ради нужно заметить, что сам Бурлюк о Конёнкове ничего плохого ни разу не сказал и не написал.